

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА КИПРИАНА
(В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЯЗЫКОМ КНИЖНИКОВ ТЫРНОВСКОЙ ШКОЛЫ
И ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО)**

В статье анализируются некоторые особенности языка митрополита Киприана в свете книжной традиции Тырновской школы. Рассмотренный материал показывает, что существенные различия, обнаруживающиеся между языком Киприана и языком патриарха Евфимия и Григория Цамблака, не позволяют отнести Киприана к типичным представителям Тырновской школы.

Ключевые слова: грецизация, реформированный язык, синтаксические особенности, Тырновская школа.

Выдающемуся церковному деятелю и талантливому книжнику митрополиту Киприану принадлежит особое место в древнерусской книжности конца XIV – XV вв. С именем Киприана связывается процесс перенесения традиций Тырновской школы в Московскую Русь; Киприан считается первым писателем в древнерусской литературе, сочинения которого представляют собой образцы новой эстетики, поэтики и стилистики, созданной и утвержденной в Тырновской школе патриархом Евфимием [1, 2]. Таким образом Киприан оказывается у истоков восточнославянского «плетения словес», получившего свое дальнейшее развитие в творчестве древнерусского агиографа Епифания Премудрого. В этой связи большой интерес представляет вопрос о том, в какой степени традиции Тырновской школы получили отражение в книжной деятельности Киприана, в частности в языке его сочинений.

Реформированный язык книжников Тырновской школы обладает рядом специфических особенностей, вызванных прежде всего следованием греческому языку; последнее представляет собой одно из основных положений реформы языка, которым руководствовались книжники Тырновской школы. Грецизация славянского текста, в переводах проявляющаяся в буквальной передаче греческих образцов, из переводческого правила превращается в Тырновской школе в нормативное руководство [3]. Язык высокой книжности Тырновской школы формируется с ориентацией на чуждый образец, что делает его весьма далеким от языка кирилло-мефодиевских переводов.

Сопоставление языка сочинений Киприана с языком сочинений книжников Тырновской школы, с одной стороны, и с языком древнерусского агиографа Епифания Премудрого, образцом языка высокой книжности Московской Руси конца XIV – XV вв. – с другой, дает возможность выявить степень преемственности между Киприаном и книжниками Тырновской школы и ответить на вопрос: продолжает ли Киприан находиться в русле традиций этой школы и можно ли говорить о воздействии языка Киприана на формирование языка русской агиографии нового стиля?

---

* © Петрова В.Д., 2010

Петрова Валентина Дмитриевна (petrovavd@yandex.ru), кафедра общего и сравнительно-исторического языкознания Чувашского государственного университета, 428015, Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15.

Материалом для анализа послужили «Житие митрополита Петра» и «Похвальное слово митрополиту Петру», два самых значительных, по мнению исследователей, произведения, которые прежде всего свидетельствуют о стремлении Киприана остаться верным художественным принципам Тырновской школы, следовать литературному стилю Евфимия [1]. Кроме того, используется материал посланий. Для сопоставления привлекаются сочинения патриарха Евфимия и Григория Цамблака; среднеболгарский перевод «Жития Григория Синаита» патриарха Каллиста и «Житие Стефана Пермского» древнерусского агиографа Епифания Премудрого.

Специфические особенности языка книжников Тырновской школы, как уже было отмечено, во многом обусловлены сознательным стремлением к грецизации, что проявляется в их языке в регулярном использовании морфологических форм и синтаксических конструкций, воспроизводящих особенности соответствующих греческих моделей. Ниже рассматриваются некоторые характерные для языка тырновских книжников черты, выявление особенностей использования которых в языке Киприана должно способствовать решению поставленной задачи.

Интенсивное употребление конструкций с местоимениями *иже*, *еже*, *яже*, соответствующих греческим конструкциям с артиклем, составляет одну из самых ярких особенностей языка Евфимия Тырновского и Григория Цамблака. Специфика использования субстантивных сочетаний с местоимениями в сочинениях тырновских книжников заключается в регулярном воспроизведении греческой модели с препозицией зависимых членов и дистантным их расположением: «блжении онъ старецъ не тъкмо *яже* *ѡт* добродѣтели въспремь *мъзды* и чѣсти достоины» (Похв. Евф. 14.1). Киприан, в целом следуя тырновским образцам, значительно реже обращается к дистантному расположению компонентов: «Начну убо *еже* о немъ повесть» (Жт. Петр. 76). Епифаний в «Житии Стефана Пермского» употребляет сочетания, созданные по евангельской модели с постпозицией зависимых членов и контактным расположением компонентов: «брашны *еже* *ѡт* плодъ земныхъ» (Жт. Ст. 736 об). Если в использовании субстантивных и причастных сочетаний с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* проявляется следование тырновской традиции, то отмечаемая в сочинениях тырновских книжников субстантивация инфинитива в сочинениях Киприана практически отражения не находит. У патриарха Евфимия и Григория Цамблака встречаются и примеры калькирования греческого предложного инфинитива с членом (такие примеры отсутствуют в кирилло-мефодиевских переводах, но встречаются в среднеболгарских, в том числе и в «Житии Григория Синаита»): «Котораа бѡ боудеть болшаа ревность *ѡт* *еже* бога любити и того почитати оугодники?» (Жт. Пар. 61). У Киприана подобных примеров нет. Нет таких сочетаний и в «Житии Стефана Пермского». Тырновские книжники используют и характерные для среднеболгарской книжности конструкции с предлогом перед целевым инфинитивом с местоимением *еже* (*во еже*, *за еже*, *по еже* + инфинитив). Единственный пример такого рода, отмечаемый у Киприана: «но ты ми слово даруй, *въ еже* о тебе начати слово» (Похв. Петр. 100), представляет собой заимствование из «Похвального слова Константину и Елене» Евфимия Тырновского: «и слво даруй, *въ еже* о тебѣ начети слво» (Похв. К. и Е. 104). У Епифания Премудрого нет ни одного примера подобной структуры. В сочинениях патриарха Евфимия и Григория Цамблака встречаются редкие случаи ввода цитаты по греческому образцу при помощи местоимения *еже*. У Киприана нет такого употребления; отсутствуют у него и отмечаемые у тырновских книжников случаи субстантивации целых выражений. Нет таких примеров и у Епифания Премудрого. В отношении использования конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже*, таким образом, следует отметить существенную разницу между тырновскими книжниками и Киприаном. Тырновские книжники регулярно употребляют конструкции, калькирующие

соответствующие греческие образцы. Что же касается Киприана, то он отказывается от явных грецизмов, максимально копирующих все формальные особенности греческих конструкций. Епифаний в использовании конструкций с местоимениями *иже*, *яже*, *еже* не выходит за рамки кирилло-мефодиевской традиции.

В отличие от тырновских книжников, Киприан непоследователен в использовании конструкций, воспроизводящих греческие образцы. Устранение родительного падежа при отрицании, принятого в кирилло-мефодиевских переводах, и замена его винительным находит последовательное применение в языке тырновских книжников: и гласъ оубо людѣ не слышахоу (Похв. Евф. 45.7). Отмечается такая замена и у Киприана: и наказание словес его не храним (Похв. Петр. 106), однако он использует и формы родительного падежа: ничтоже не сътвори ему зла (Жт. Петр. 82). В соответствии с кирилло-мефодиевской традицией Епифаний сохраняет родительный: «пооученіа не приемлетъ» (Жт. Ст. 713).

Тырновские книжники, следуя греческому употреблению, избегают двойного отрицания. Киприан, не ограничиваясь одинарным, достаточно последовательно допускает двойное отрицание: николи же просящаго оубога или странна не отпусти тыща (Жт. Петр. 76). В кирилло-мефодиевских переводах преобладает двойное отрицание (при возможном одинарном), эту традицию, воспринятую древнерусской книжностью, удерживает Епифаний: «никто же насъ не просвѣтилъ стѣмъ крѣненіемъ» (Жт. Ст. 663 об).

Отличительной чертой языка тырновских книжников является употребление форм настоящего времени глагола в соответствии с греческим *praesens historicum*, причем в некоторых сочинениях патриарха Евфимия они допускаются в качестве отдельных вкраплений («Житие Филофеи», «Похвальное слово Константину и Елене»), а в других применяются систематически («Житие Иоанна Рьльского»). Григорий Цамблак последователен в употреблении настоящего исторического («Житие Стефана Дечанского», «Похвальное слово Евфимию»). Киприан в данном случае следует тырновской традиции и/или, скорее, непосредственно византийским образцам («Житию Григория Синаита»), настоящее историческое и в житии Петра, и в Похвальном слове представляет собой регулярное явление: *Исходитъ* ѡбо от обители и *объходитъ* окрѣгъ места она пѣстынна, и *обрѣтаетъ* место безмольвно на реце, нарицаемой Рата, и тѣ жилище себе *въдрѣжаетъ*, и трѣды многы *подъемлетъ*, и болезни к болезнемъ *прилагает*, и поты *пролиет* (Жт. Петр. 78) (см. также: Жт. Петр. 77, 79, 80; Похв. Петр. 102, 103). Эта грамматическая категория, не получившая отражения в афонских правленных текстах, систематически применяется в Чудовской редакции Нового Завета, русском переводе, предшествующем афонской редакции [4]. Можно предположить, что Киприан мог опираться и на эту традицию. У Епифания зафиксировано всего два случая (Жт. Ст. 671 об; 680 об), и они не объясняются южнославянским воздействием — единичные примеры можно встретить и в ранних древнерусских памятниках, например в «Житии Феодосия Печерского».

В новых афонских переводах (в отличие от кирилло-мефодиевских) при передаче греческого аориста и перфекта предпочтение отдается аористу, а не перфекту, что связано со стремлением сохранить в славянском переводе количество слов оригинала [5]. В языке тырновских книжников очень мало форм перфекта, преимущественно это формы 2 лица, характерные для похвальных частей. Перфект всегда со связкой, включая и редкие случаи 3 лица: «яко кто себе очистил есть» (Жт. Фил. 83). Киприан намного чаще, чем тырновские книжники, использует перфект, и не только в похвальной части, но и в повествовательной (интересно отметить, что в цитате (Евр. 2.13): «Се азъ и дѣти, аже ми *еси далъ*» (Жт. Петр. 81, Похв. Петр. 102) Киприан сохраняет форму перфекта, в то время как у Цамблака перфект замещен аористом:

«Се азъ и дѣти, аже ми *дасть бѣгъ*» (Жт. Ст. Д. 712 а; также: Похв. Кипр. 420). У Киприана есть несколько примеров перфекта без связки, причем во всех лицах (и даже при отсутствии формально выраженного подлежащего): «несмы мощни благо что сътворити въ день преставлениа твоего и положения в раце, аже самъ *ѹстроилъ*, якоже прежде слово *сказалъ*» (Похв. Петр. 106); «Тогда и он тамо *прилѣчилста*» (Жт. Петр. 84; также 76). Особенности использования форм без связки у Киприана полностью соответствуют тому, что характерно для древнерусских памятников XIV в. всех жанров, в которых наряду с устойчиво сохраняющимися аналитическими формами перфекта широко употребляются формы, представленные только причастием на -л. Такие формы выступают во всех лицах как при наличии формально выраженного подлежащего, так и без него, когда лицо устанавливается только по контексту [6, с. 103–105]. Поэтому в данном случае с полной уверенностью можно говорить о русском влиянии на Киприана, об этом красноречиво свидетельствуют и довольно многочисленные примеры перфекта как со связкой, так и без связки из «Послания к игуменам Сергию и Феодору». Киприан свободно допускает формы без связки, и не только в 3 л.: «А се ныне без вины мене *обещестил, пограбил*, заперев, держал голодна и нага, а черньци мои на другом месте. Слѣг моих опричь мене *заточил* в ночи» (Посл. 2.200; также: 196, 197, 199); «Новый Городок литовьскыи давно *отпал*, и яз его *оправил* и *дестатинѣ доспел* к митрополии же и села» (Посл. 2.200); (следует отметить и русскую форму плюсквамперфекта: «и нынече *поехал есмь был* со всем чисто-сердечием и с добротением к князю великомѹ» (Посл. 2.196) (в посланиях немало синтаксических особенностей, обязанных своим появлением воздействию русского языка). Епифаний Премудрый употребляет перфект в соответствии с древнерусской книжной традицией, для которой характерно использование бессвязочного перфекта 3 л. при последовательном сохранении связки в 1 и 2 л.; перфект без связки встречается уже в самых ранних русских памятниках [7, с. 479]. В «Житии Стефана Пермского» формы 1 (за единственным исключением) и 2 л. всегда со связкой, более половины форм 3 л. без связки. Форма 3 л. без связки (при сохранении ее в 1 и 2 л.) представляет собой регулярное явление в Чудовском Новом Завете. По мнению Т.В. Пентковской, одной из причин такого употребления можно считать влияние русской диалектной среды [8].

Греческим воздействием обусловлен специфический порядок слов тырновских книжников, для которого характерна регулярная дистантность расположения компонентов высказывания, связанных между собой в смысловом и грамматическом отношении. Усложненный «тырновский порядок слов», «неестественный» с точки зрения не только современного, но и древнего славянского синтаксиса [3], в сочинениях Киприана получает косвенное отражение. Порядок слов Киприана не столь «неестественен», некоторая зависимость от порядка слов, выработанного под греческим воздействием, ощущается в риторическом введении, в повествовательной части она не столь заметна. Что же касается Епифания, то в области порядка слов он очень далек от тырновских книжников и свободен от греческого влияния.

Итак, рассмотренный материал позволяет прийти к следующим выводам. Киприан во многом сохраняет верность тырновским книжным традициям, однако с очень существенной поправкой — он адаптирует свой язык к языку высокой книжности Московской Руси. Язык тырновских книжников близок к грецизированному языку перевода «Жития Григория Синаита»; переводческие приемы, реализованные в среднеболгарском переводе Жития, находят применение в языке тырновских книжников. Киприан, который в качестве образца опирается не только на сочинения патриарха Евфимия, но и непосредственно на «Житие Григория Синаита» (об этом свидетельствуют заимствования из этого жития), к этим переводческим приемам подходит

избирательно. В языке Киприана явственно прослеживается тенденция к отказу от явных грецизмов, и эта тенденция в определенной мере проявляется даже в киприановских редакциях богослужебных текстов, которые демонстрируют большую зависимость от греческого текста, чем афонские. Псалтырь Киприана и редакция Литургии Преждеосвященных Даров более грецизированы, чем соответствующие афонские редакции [9, 10]. Большой грецизацией, чем афонские, отличаются и редакции патриарха Евфимия, однако сравнение редакций Киприана и Евфимия показывает, что переводческие установки книжников совпадают не во всем. Особенностью всех редакций Евфимия является максимальная зависимость от греческого оригинала, крайний буквализм перевода; редакции Диатаксиста, Иерусалимского Типикона и Литургии Преждеосвященных Даров Евфимия Тырновского изобилуют грецизмами, максимально точно воспроизводящими греческие образцы [8, 10, 11]. Русская редакция Диатаксиста, предположительно киприановской редакции, менее зависима от греческого текста [11]. Редакции Киприана отличаются тем, что при правке текстов он в определенной мере принимает во внимание русскую книжную традицию. Так, в редакции Литургии сохранены лексико-словообразовательные варианты, свойственные древнерусской редакции Литургии, малоупотребительные южнославянские слова заменены русскими [10]. Переводческие принципы, которыми руководствуется Киприан, сопоставимы с теми принципами, которых придерживаются русские переводчики. Характерной особенностью русских переводов богослужебных текстов XIV в., обладающих чертами, общими для правленных текстов, является ориентация на собственную книжную традицию предшествующего периода [8].

Если в переводах Киприана стремление к грецизации текста выдерживается последовательно, то в языке оригинальных сочинений эта тенденция выглядит значительно более умеренной, в то время как в языке патриарха Евфимия отмечается обратное. Язык оригинальных сочинений Киприана свидетельствует о том, что он не столь строго и последовательно придерживается основных принципов реформы тырновских книжников — отталкивания от живого языка и следования греческому языку. Он допускает формы, свойственные живому языку, и предпочитает не употреблять явные грецизмы. Сопоставление сочинений Киприана с произведениями Евфимия Тырновского и Григория Цамблака показывает, что язык Киприана лишен самых ярких, составляющих специфику языка тырновских книжников, особенностей. Это вполне соответствует тому, что и в отношении стиля киприановское житие значительно отличается от агиографии тырновских книжников [12, с. 69]. Специфические особенности языка и стиля тырновских книжников у Киприана значительно сглажены, а это значит, что Киприан не может рассматриваться как типичный представитель Тырновской школы, а его сочинения не могут претендовать на статус эталонных образцов Тырновской школы. Киприан занимает срединное положение между тырновскими книжниками и древнерусским агиографом Епифанием Премудрым. Язык Киприана, как показывает проведенный анализ, не мог служить образцом для Епифания, который сохраняет верность кирилло-мефодиевской традиции древнерусской книжности; следовательно, воздействие языка Киприана на формирование языка русской агиографии стиля «плетение словес» исключается. Язык самого Киприана в определенной мере испытывает воздействие русского языка. Сохраняя некоторую ориентацию на греческий, Киприан учитывает отсутствие этой тенденции в языке высокой книжности Московской Руси, ведущей тенденцией в формировании которого выступает архаизация. Особенности языка и стиля Киприана не свидетельствуют о его стремлении утвердить в древнерусской книжности основные принципы языковой реформы патриарха Евфимия, скорее наоборот — Киприан попадает под влияние восточнославянской книжной традиции.

Библиографическия список

1. Дончева-Панайотова Н. Цикъл произведения за митрополит Петър от Киприан // Търновска книжовна школа. Т. 2 / Великотърновски университет «Кирилл и Методий», Институт за балканистика при БАН. София: БАН, 1980. С. 143–145.
2. Данчев Г. Традициите на Търновската книжовна школа и литературата на Древна Русия (към вопроса за началото на пренасянето им) // Славянска филология. Т. 18. Литературознание и фолклор / Българска Академия на науките. София, 1983. С. 43–50.
3. Иванова-Мирчева Д. Евтимий Търновски – писател-творец на литературния български език от късното средновековие // Търновска книжовна школа / Великотърновски университет «Кирилл и Методий», Институт за балканистика при БАН. София: БАН, 1974. С. 197–210.
4. Пентковская Т.В. Чудовская редакция Нового Завета и ее взаимоотношение с другими редакциями // Palaeobulgarica/ Старобългаристика. 2003. Т. XXVII. № 3. С. 18–46.
5. Тасева Л., Йовчева М. Езиковите образци на атонските редактори // Българска филологическа медиевистика. Научни изследвания в чест на проф. д.ф.н. Иван Харалампиев. Велико Търново: Веста, 2006. С. 221–237.
6. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / под ред. чл.-корр. АН СССР Р.И. Аванесова, д-ра филол. наук В.В. Иванова / АН СССР, Институт русского языка. М.: Наука, 1982. 436 с.
7. Колесов В.В. История русского языка: учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Изд. центр «Академия», 2005. 672 с.
8. Пентковская Т.В. К истории исправления богослужебных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М.: МАКС Пресс, 2009. 296 с.
9. Чешко Е.В. Об афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода; АН СССР, Институт славяноведения и балканистики, Болгарская академия наук, Институт болгарского языка. М.: Наука, 1982. С. 60–93.
10. Афанасьева Т.И. Славянская Литургия Преждеосвященных Даров XII–XV вв. Текстология и язык. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 213 с.
11. Панова С.И. К проблеме происхождения русской редакции Диатаксиста патриарха // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 1. С. 31–44.
12. Дмитриев Л.А. Литературно-книжная деятельность митрополита Киприана и традиции Великотърновской школы // Търновска книжовна школа. Т. 2 / Великотърновски университет «Кирилл и Методий», Институт за балканистика при БАН. София: БАН, 1980. С. 64–71.

Сокращения

- Жт. Ио. Р. – Евфимий Търновский. Житие Иоанна Ръльского // Kałużniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius (1375–1395). Wien, 1901. S. 6–26.
- Жт. Син. – Каллист. Житие Григория Синаита // Сырку П.А. Житие Григория Синаита, составленное константинопольским патриархом Каллистом. СПб., 1909. С. 1–47.
- Жт. Ст. – Епифаний Премудрый. Житие Стефана Пермского. ГИМ, Синод. собр., № 91. Л. 650–777.
- Жт. Ст. Деч. – Житие Стефана Дечанского // Рилски манастир. № 4/8 (61). Л. 699а–712а.
- Жт. Пар. – Евфимий Търновский. Житие Параскевы // Kałużniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius (1375–1395). S. 78–99.

Жт. Петр. – Киприан. Житие митрополита Петра // Седова Р.А. Святитель Петр, митрополит московский, в литературе и искусстве Древней Руси / науч. ред. Г.М. Прохоров. М.: Русский мир, 1993. С. 76–87.

Жт. Фил. – Евфимий Тырновский. Житие Филофана // Kaľuźniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius (1375–1395). S. 59–77.

Похв. Евф. – Григорий Цамблак. Похвальное слово Евфимию // Похвално слово за Евтимий от Григорий Цамблак. София: БАН, 1971. С. 112–232.

Похв. Кипр. – Григорий Цамблак. Надгробное слово Киприану // Дончева-Панайотова Н. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа. Велико Търново: Веста, 2004. С. 415–420.

Похв. К. и Е. – Евфимий Тырновский. Похвальное слово Константину и Елене // Kaľuźniacki E. Werke des Patriarchen von Bulgarien Eutymius (1375–1395). S. 103–146.

Похв. Петр. – Киприан. Похвальное слово митрополиту Петру // Седова Р.А. Святитель Петр, митрополит московский, в литературе и искусстве Древней Руси. С. 96–107.

Посл. – Киприан. Послание игуменам Сергию и Феодору. Второе послание (от 23 июня 1378 г.) игумену Сергию и игумену Феодору // Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. М.: Наука, 1978. С. 195–201.

V.D. Petrova*

**ON SOME PECULIARITIES OF KIPRIAN'S LANGUAGE (IN COMPARISON
WITH THE LANGUAGE OF THE TYRNOVO SCHOOL SCRIBES AND THE
LANGUAGE OF EPIPHANIUS PREMUDRYJ)**

Some peculiarities of metropolitan Kiprian's language in the light of the Tyrnovo School book tradition are analyzed. The examined material indicates that substantial difference in the language of Kiprian and that of the Patriarch Evtimiy and Gregory Tsamblak don't make it possible to attribute Kiprian to the typical representatives of the Tyrnovo School.

Key words: graecization, reformed language, syntax peculiarities, Tyrnovo school

---

* Petrova Valentina Dmitrievna (petrovavd@yandex.ru), the Dept. of General and Comparative-Historical Linguistics, Chuvash State University, Cheboksary, 428015, Russia.